Забери мечту с собой

Автор:
Ольга Гусейнова

Забери мечту с собой

Ольга Вадимовна Гусейнова

Светлое будущее осталось позади, впереди только долг, ответственность и скорбь о гибели целого народа. Твоего народа! Спасти остатки которого, твоя цель и обязанность.

Мечты разбиты в дребезги и только их осколки еще хранятся в твоей душе. Но другой мир, возможно, одарит своей благосклонностью, и ты сможешь найти и забрать мечту с собой.

Ольга Гусейнова

Забери мечту с собой!

От автора

Дорогие мои читатели, это один из первых моих рассказов, поэтому, прошу не судить слишком строго.

Приятного вам чтения, крепкого здоровья и больше радости в жизни.

Ваша Гусейнова Ольга

Розовый рассвет, яркий, свежий, радовал вместе с птичьим гомоном и шелестом лесной листвы, поражающей буйством осенних красок. Ветерок приятно остужал тело, уж слишком быстро я неслась, пригибая голову к земле. Но даже с закрытыми глазами прекрасно бы чувствовала, что в этот ранний час, в этой части леса я одна; тело и душа пели и ликовали, радуясь свободе и полному слиянию с природой.

Выскочив в подлесок, за которым начинается холмистая равнина, упирающаяся на горизонте в горы, увенчанные снежными вершинами, я резко притормозила и, переведя дух, неспешно направилась в город. В наш город, который уже несколько тысяч лет носит гордое имя Лоуран и принадлежит стерхам, как нас называют люди, да и не только они. В действительности же мы – стерхи или двуликие. Оборотни, или перевертыши. Да мало ли как нас называют чужаки.

Встретив Кинана возле главных ворот, я радостно завиляла хвостом. Слегка боднула головой и, ловко увернувшись от его загребущих лап, кинулась улепетывать. В самом центре города, на площади, располагается Ратуша, или Большой дом стерхов, с башней и колокольней, чтобы в случае чего собрать жителей окрест или предупредить об опасности. Еще в Доме старейшины собираются на княжеский совет принимают какие-нибудь важные решения.

Рядом с Ратушей стоит наш родовой дом, в котором я живу с мамой и папой и куда надеялась пробраться незаметно, ну или хотя бы в свою комнату, потому что, если родители застукают, мне несдобровать. Кому охота слушать очередную головомойку, что подобное поведение по статусу не положено? Я это и сама знаю, но душа так рвалась на волю, что сопротивляться не было сил. Никаких! Я залезла в приоткрытое окно гостиной и замерла, прислушиваясь к приглушенному стеной разговору.

В мамином голосе отчетливо звучали слезы и печаль. Я напряглась и, тенью скользнув к папиному кабинету, застыла у двери. Подслушивать, конечно, нехорошо, но информация может стоить жизни, чему меня научили очень хорошо.

– Любимый, ну неужели все настолько плохо, что мы должны рассчитывать на людей? Они же ненавидят нас и боятся! Зачем они предлагают нам договор? Мы можем надолго закрыть границу или уйти в горы, в Рассван, где нас никто не найдет и не причинит зла. Там исконная земля стерхов, она лучше любого оружия и заклинания спасет, защитит нас и наших детей.

– Рейния, ты же понимаешь: долго в изоляции мы не протянем. Молодые будут уходить в поиск, да и торговлю вести из Рассвана невозможно. Мы за пару веков зачахнем и скатимся в средневековье. Ведь я столько всего добился за время своего правления, столько мирных договоров подписал, нас наконец-то стали уважать, с нами начали считаться как с реальной силой. Я не могу допустить, чтобы из-за этих кровососов нас снова скинули со счетов. И так думаю не только я один, родная. Весь совет проголосовал единодушно!

– Найран, неужели ты не понимаешь, насколько шаткие у нас позиции? Эльфы отказали людям, и они обратились к нам, а ты не подумал, что, если вдруг кровососы предложат им больше, чем мы, вся человеческая рать попрет на нас и одной численностью задавит наших воинов. Нас слишком мало, а вы рискуете не только своими жизнями, но и судьбой целого народа! Подумай, любимый, хотя бы об этом!

– Рейния, любимая моя девочка, ты хранительница стерхов, я понимаю, что твой долг заботиться обо всех нас, но и меня тоже пойми. Твоя забота – дух стерхов, моя – их путь и выживание. Давай лучше не будем сейчас, перед расставанием, сориться из-за этого, а с большей пользой проведем утро.

– Но послушай …

– Я все сказал, родная, это не только мое мнение, это решение всего совета. Бой в любом случае состоится, ты не сможешь нам помешать. Я прошу тебя, прими это и хорошо проводи меня, чтобы я еще долго мог наслаждаться твоим вкусом на губах.

Мягкий шорох и шаги в папином кабинете, и я, выйдя из оцепенения беззвучно юркнула в гостиную. Прислонившись спиной к дверям, в щелку увидела, как родители, не прекращая целоваться, быстро направились наверх, в спальню. И почему-то отметила про себя, что нет ничего на этом свете, что смогло бы их разлучить или остудить любовь и страсть друг к другу. Только смерть, причем в буквальном смысле. Брачное единение не даст ни единого шанса, выжить стерху, потерявшему пару. Погибший заберет единую душу к Вратам смерти, и все – больше не вернуть.

Смерть не отдает ничего, что попадает в ее цепкие ледяные объятия. Ну да, вот потому и отметила: папа, собираясь в бой, рискует не только своей жизнью, но и

маминой. Именно эта мысль встревожила меня. Я впервые настолько испугалась. Страх одиночества и потери тех, кого больше всего люблю, заморозил внутренности, липким туманом растекся в голове, путая мысли. Тихонько пробравшись к себе в спальню, я растянулась на кровати, и, забыв раздеться, забылась тревожным сном.

* * *

– Мама, мама, что происходит, куда мы собираемся, да еще так спешно?

Тревожно наблюдая за маминими метаниями и мельтешением в соседских окнах, я опасалась даже самой себе задать мучавший вопрос. Но будущий статус уже наложил на меня свой отпечаток – я прекратила прятаться от своих собственных страхов:

– Все настолько плохо, что ты собираешь весь народ и бросаешь цитадель?

Мама с такой тоской заглянула мне в глаза, что боль молнией прошила грудь, но я не посмела ни опустить взгляд, ни отвернуться. Присев на край дивана и приглашающим жестом подозвав меня к себе, мама разжала судорожно сжатые руки и потерла. Опустившись рядом с ней, я взяла ее ледяные ладони в свои и постаралась передать ей часть своего тепла. Мы снова посмотрели друг другу в глаза. Сглотнув, мама рассеянным, невидящим взглядом уставилась в окно, а потом убито сказала:

– Люди предали нас, как я и предрекала! Вампиры заключили с ними более выгодный договор. Эти смертные даже чуть-чуть не хотят задуматься о том, что следующими после нас станут сами. Нас уже ничего не спасет. Очень скоро войско людей под предводительством кровососов сомнет наших стерхов, от моего народа не останется даже легенд. Они все уничтожат! Твой отец с трудом сдерживает людей, чтобы дать нам время уйти в Рассван. Мужчины пытаются выиграть время для отхода всего населения, но ведь они сами там, на острие ножа.

Я не хотела верить собственным ушам. Не могла без слез смотреть на мамин затравленный взгляд, ведь я никогда прежде не видела ее такой. Рейния – хранительница стерхов, супруга и половина князя Найрана, который уже более

семисот лет справедливо и достойно правит своим народом, всячески способствуя его процветанию и благополучию. И вот теперь наши исконные соседи и самые лютые враги – кровососы – подчинили, подкупили человеческую верхушку и, посулив немногим из них вечное бессмертие, повели многочисленное войско на нашу землю.

Эльфы, как всегда, отстранились от чужих проблем, спрятавшись за стеной волшебного леса, который не пропускает никого за магическую грань, остальные народы расселены так далеко от нас и помощи ждать неоткуда. Мы действительно обречены. Но во мне еще тлела надежда, что папа справится, что-нибудь придумает. Ведь ему всегда удавалось и исправить, и починить, и рассудить. Просьба мамы вырвала меня из водоворота мыслей:

– Послушай Сири, любимая моя девочка, доченька моя единственная. Как долго мы ждали твоего появления… Сейчас ты должна дать мне обещание, что станешь достойной хранительницей и попытаешься любыми путями воскресить наш народ. Чтобы было кому помнить своих предков и в праздник мертвых петь поминальную песню, чтобы наши души могли найти обратную дорогу домой…

– Но мама…

Она жестом остановила протест и, прижав мою голову к груди и поглаживая по волосам, прошептала:

– Ты – самая младшая из нашего рода и знаешь, что ты следующая хранительница стерхов. Будь осторожной и главное – береги себя. Без тебя у нас нет будущего, запомни это. Оставшиеся в живых будут зависеть от тебя и твоего дара. Наши потомки тоже. Запомни это Сири! Будь осторожна! Мы с отцом столько потратили сил на твое обучение, что я уверена, когда придет время, ты справишься со всеми проблемами. Главное, береги себя и тех, кто от тебя будет зависеть. Никогда! Слышишь, никогда не разменивай свою жизнь на месть людям, они слишком слабы и глупы, чтобы знать, помнить и осознавать. Они не виноваты, ими управляют темные. Именно их ты должна опасаться больше всего. Спрячьтесь в Рассване и, пока не восстановится численность нашего народа, закрой границы наглухо, чтобы никто вас не беспокоил.

– Мама, ты говоришь так, будто вас уже нет! Но ведь все может измениться в любое мгновение! – хрипя от страха выдавила я, в ужасе глядя в лицо самого

любимого существа на свете.

Но мама словно смирилась со своей участью и практически пустыми глазами смотрела на меня, даже не пытаясь скрыть горечь и сожаление.

– Прости меня, доченька, ты же знаешь, где сейчас твой отец, я уйду вслед за ним сразу. Поэтому хочу быть уверена, что ты все осознаешь и готова принять ответственность за наш народ и долг не станет непосильной ношей для тебя. Прости меня, я все сделала, чтобы уберечь тебя от этой участи или хотя бы немного отодвинуть ее наступление. Но Найран и совет приняли другое решение и вот к чему это привело. Мы все равно бежим, но теперь наше бегство – не отступление, а спасение выживших. О Великая, как ты допустила, что твои дети вынуждены бежать, поджав хвосты, оставляя мертвых на потеху смертным. Как могло случиться, что мы умираем? Все умираем и вместе с нами наша надежда!

– Мама, послушай, папа все исправит, ты слышишь? Он великий воин, и он спасет нас. Ты только верь в него…

Грохот ударившейся о стену двери заставил нас обеих вздрогнуть и повернуть головы на… Риола, с ног до головы в грязи и местами в запекшейся крови. Его напряженный и суровый взор заставил сжаться мое сердце от страха. Неужели началось? Я так отчаянно боялась поверить, гнала от себя.

Риол, почтительно склонив голову перед мамой и коротко кивнув мне, прохрипел:

– Завтра утром начнется, Хранительница! Князь приказал немедленно уводить всех в горы, времени больше нет и надежды тоже. Он опасается, что вампиры нападут ночью, поэтому вам всем надо торопиться и уходить как можно дальше. И не ждать никого!

Мы с мамой замерли, похолодев от ужаса: больше полутора тысяч наших воинов сейчас готовятся к ночному бою, но они обречены; чуть больше сотни взрослых мужчин, оставшихся в городе для защиты – это все, что останется от мужской половины моего народа. Они да пара-тройка десятков стерхов, путешествующих по миру или ищущих приключений.

Я с трудом подавила поднимавшийся из груди тоскливый вой и с болью посмотрела на мать. Свет в ее глазах померк, лицо посерело, но прямая спина и напряженные плечи твердо говорили о том, что она готова ко всему и не сдастся так просто. Отвернувшись от меня, она, оглядев суровым взглядом комнату с разбросанными вещами, четко сказала:

– Сирила, мы уходим, возьми только самое необходимое и дорогое. Только то, что сможешь унести на своих плечах. Оденься по-походному, я жду тебя у Ратуши. Не бери ничего для меня, родная!

Холод в моей груди превратился в кусок льда. Я знаю, почему мама так сказала, и спорить не стала. Нет времени.

– Риол, как правая рука князя, ты заменишь Кронуса и возглавишь наше отступление. Теперь, пока Сирила не обретет свою половину и будущего князя, ты исполняешь его обязанности. Твоя главная забота – ваша новая хранительница. Ваша единственная хранительница, Риол, так что береги ее как зеницу ока!

Риол резко посмотрел на Рейнию и, нахмурив брови, глухо ответил:

– Хранительница Рейния, я обязан как воин стерх и правая рука князя быть рядом с ним на поле боя. И если понадобиться, умереть рядом с ним. Я не могу…

Мама резко подскочила к нему и, схватив его за грудки, разъяренно прошипела ему в лицо:

– Нет, Риол, больше ты не его правая рука, ты будешь исполнять обязанности князя здесь. Я в своем праве, поэтому ты не можешь мне отказать или ослушаться. Здесь и сейчас я – хранящая стерхов, я – голос Великой Богини Сиалы приказываю тебе остаться с нами. Ты забыл, что твоя жена беременна вашим первенцем, неужели ты хочешь обречь их на смерть? Подумай хотя бы об этом, Риол! Все, больше нет времени на разговоры, пора уходить. Мне надо в Ратушу, объявить о всеобщем исходе.

Риол уронил голову на грудь. Он словно постарел на много лет, разговаривая с мамой, и с трудом может дышать от раздирающей его боли. Но мне некогда было его жалеть, я испытывала те же чувства. Повернувшись к нему спиной,

быстро глазами нашла пустой заплечный мешок и рванула собираться в поход. Сложив самое необходимое на первое время, тоскливым взглядом обвела свою комнату, мысленно прощаясь с домом и с дорогими мне вещами, с любовью коснулась мебели, которую мой отец своими руками делал для меня, задержалась взглядом на своем отражении в огромном настенном зеркале.

Высокая стройная девушка с большими раскосыми синими глазами и золотистыми волосами, заплетенными в тугую косу, спускающуюся до ягодиц. Высокие скулы и прямой нос с небольшой россыпью веснушек. Золотистая кожа, характерная для всех стерхов, мягкие пухлые губы, сжатые в твердую горестную линию. Острые оттопыренные уши, расположенные чуть выше характерной для людей височной линии, могут двигаться как у животных, ловя малейшие звуки. Твердый упрямый подбородок.

По меркам стерхов я не красавица, но весьма привлекательная девушка, а мнение остальных народов, населяющих Цессу, меня на сей счет не интересовало. Да и не часто я кого-то из чужаков встречала. Все мое время было занято учебой, в том числе боевой и охотничьей подготовкой. Провела рукой по теплой меховой безрукавке, прикрывающей зад, которую надела на две нижние рубашки и теплый шерстяной синий кафтан. Штаны из такой же шерсти заправила в высокие сапоги на толстой подошве и со шнуровкой. Я их всегда надевала в горы. Путь до Рассвана неблизкий и весьма неровный из-за камней и сыпучей горной породы. Подпоясала безрукавку ремнем, к которому прикрепила тонкий узкий клинок, сделанный специально для меня, и небольшой кинжал для разных мелких нужд. Им можно и еду разделывать, и резать вражеские глотки. Меня хорошо научили владеть и одним, и другим. Хотя я еще ни разу не использовала их против разумных существ. Наверное, пришло время и, надеюсь, у меня не дрогнет рука в ответственный момент. Надев кожаные лямки на плечи и оценив вес мешка, я вышла из дома и направилась к Ратуше на общий сбор.

* * *

Вереница лошадей, повозок с общим скарбом и провизией на пару ближайших месяцев тянулась ужасающе медленно. Мужчины и женщины, подавленные бедой, смотрели тусклыми, жуткими, пустыми глазами и покорно судьбе передвигали словно одеревеневшими конечностями. Дети молча сидели на телегах, в их глазах отражался страх, непонимание да блестели непролитые пока еще слезы.

Мама верхом на лошади промчалась мимо меня к голове обоза и холодным приказным тоном, которому нельзя было не подчиниться, заставила всех поторопиться и шевелиться быстрее. Смеркалось, но об остановке никто даже не задумывался. До границы с Рассваном еще несколько часов ходу и то, если мы сможем двигаться хотя бы с этой скоростью. Все-таки тысячи две женщин, мужчин и несколько сотен детей разного возраста, не смотря на силу и выносливость, не могли передвигаться без остановок и различных непредвиденных задержек. Да и верховые, и тягловые животные нуждались в отдыхе. Но старались все, потому что каждый знал, кто наступает нам на пятки. Каждый видел это в глазах у соседа – смерть!

Кажется, я задремала, потому что чуть не вылетела из седла, когда моя лошадь неожиданно дернулась, попав копытом в ямку. Протерев глаза, я заметила, как над верхушками горных вершин занимается алая заря, окрашивая белоснежные шапки кровавыми красками. Плохой знак! Слышалось тихое бормотание, детские всхлипы, скрип подпруг и груженых телег. Обвела вокруг взглядом: тяжелые, хмурые лица мужчин, подгоняющих телеги и отстающих; светлеющее небо, постепенно расползающийся с тропы туман, уползающие в глубину леса тени. Мы почти у границы, осталась всего-то пара часов пути, после можно будет немного отдохнуть и спокойно двигаться к нашему закрытому и священному городу.

Рассван – родовое гнездо, откуда произошли стерхи. Место, где проводится обряд слияния, свадебные и поминальные службы. Место силы, где теперь в течение многих веков нам придется возрождать наш народ. Только вопрос: удастся ли это сделать? И как вообще сделать в свете грядущих событий, о которых я боялась даже думать.

В воздухе повисло острое напряжение, от которого у меня зашлось сердце и заледенели руки. Подъехала мама, зачем-то спешилась, с тревогой оглядываясь вокруг. Повернувшись ко мне, она открыла рот и уже хотела что-то сказать, но в следующий момент вдруг выгнулась дугой, как от боли, и застонала. Вслед за маминым стоном раздался душераздирающий женский крик, потом еще и еще, им вторил мамин надрывный хрип. Она как подкошенная рухнула на землю и попыталась задержаться со мной хоть на миг – прошептала, закрывая мутнеющие глаза:

– Вот и все, моя родная, мы с отцом вместе уходим к Вратам смерти. Прости нас, бросаем тебя одну, но помни: наша любовь всегда с тобой. Прощай, любимая…

Упав рядом с мамой на колени, я гладила ее по щекам, надсадно выла, не в силах сдерживать тоску и боль. Через пару минут, проведя рукой по любимому лицу, поняла, что ее дух улетел к любимой половинке, которая уже, наверное, заждалась у Темных врат. Пройдя их вместе, они обретут покой и надежду на второе рождение, если я справлюсь со своей задачей.

Тело и душу рвала на части дикая боль. Не только моя, но и всех, кто окружал меня в этот момент. Ведь теперь я – чувствующая, я – хранящая, я – проводник во время слияния и духовная сестра каждого стерха. Как только дух матери покинул ее тело, я заняла ее место – такова моя судьба и предназначение, и мой долг следующей хранительницы двуликих стерхов. Надеюсь, не последней!

Я поднялась на ноги и словно видела страшный сон, но не могла проснуться, смотрела, как женщины, сотни женщин, падали, сраженные невидимой силой, а те, которые сидели в повозках, заваливались на бок и соединяли свой последний вздох с криком тоски и боли. Прощались с еще живыми и возвещали своих погибших мужей, ушедших с поля битвы к темным пределам, что спешат к ним на встречу. Дети выли от страха и непонимания того, что творится вокруг, а мужчины… Оставшиеся в живых мужчины с каждым новым предсмертным женским криком все больше мрачнели и сутулились под тяжелой ношей бытия, в полной мере осознавая, что они теперь за все в ответе, проводив близких, родных, боевых друзей. За еще живых и уже мертвых, за осиротевших детей, за их светлое будущее. А это будущее тонкой, призрачной дымкой таяло на глазах, истончаясь и сверкая прорехами неопределенности.

Страх, ужас и дикая боль терзали мою осиротевшую душу и слабеющее от горя тело. Я бы не смогла справиться со всем этим, если бы не спасительное свойство сознания, благодаря которому отстранилась от беснующейся вокруг реальности. Хотя в памяти все четко откладывалось, каждая смерть, каждый стон, не пропуская ни единой мелочи, чтобы потом годами не давать забыть, а ночами – спокойно спать. Чтобы исполнить данное матери обещание сохранить свой народ, чувство долга и ответственность отгородили меня от надвигающегося безумия.

Оставшимся в живых я, наверное, казалась каменным изваянием, но саму себя ощущала несчастной маленькой девочкой, глубоко внутри у которой бьется в ужасе мой дух и скулит от страха моя животная половина. Словно в клетке, без надежды обрести свободу. Боль, терзавшая меня, вскоре закончилась, хотя мне

показалось, в тот момент, когда она утихла, оставив после себя выжженную пустошь, – прошла вечность. Я смогла прийти в себя еще через пару мгновений, когда сознание, наконец, решилось вернуться назад и осмыслить то, что творилось вокруг меня.

Оглушающая тишина и редкие всхлипы, доносящиеся с повозок. И глаза, наполненные болью от чудовищных потерь и страхом перед неизвестностью. Множество глаз, обращенных на меня и ждущих хоть какого-нибудь решения. Меня к этому готовили, я должна, но оказалась абсолютно не готовой к тому, что мне пришлось дальше делать. Принять ответственность за столькие жизни.

Мужчины, рассредоточенные вокруг обоза, женщины, пытавшиеся собрать теперь уже сирот вокруг себя, и множество трупов, ждущих моего решения. Эти мертвые женщины, в числе которых моя мать, имеют право на покой и свою прощальную песню. К сожалению, мы не сможем сделать того же для своих отцов, друзей и братьев. Их тела останутся там, где их настигла смерть от руки предателей и безжалостных убийц-кровососов.

Риол стоял ближе всех ко мне, к его широкой груди испуганно жалась моя подруга и его жена Райана. Свой большой живот, в котором рос их сын, она придерживала двумя руками, инстинктивно защищала. Ее мужчина смотрел на меня с тревогой, в его глазах я видела понимание моих страхов и неуверенности. Прижав к себе Райану и глубоко вдохнув ее запах, он твердо посмотрел на меня и, спрятав от остальных эмоции, коротко спросил:

– Хранительница Сирила, могу ли я приказать… оставшимся в живых почтить память ушедших к пределам?

Он сбился, невольно выдав, что его терзает не меньшая боль, чем меня. Ведь теперь, пока я не обрету нового князя, он стоит во главе целой расы. Но именно в этот момент я поняла, что он справится и поможет мне обрести уверенность и силу. Мама не зря оставила его главным, хотя бы в этом мне не придется делать выбор. Я с огромным трудом взяла себя в руки. Скорбь, страх и неуверенность придется оставить на потом, сейчас для нас главное – выживание. Выживание всей расы стерхов, а точнее, оставшихся.

– Тар Риол[1 - Тар – уважаемый, занимающий высокое положение. Прим. авт.], Вы теперь верховный, если какие-то решения не устроят меня как хранительницу, а

не как обычную стерху, я сообщу вам, а пока ваши решения – закон для всех и для меня в том числе.

Склонив перед ним голову, заметила, что остальные мужчины и сам новоиспеченный тар выдохнули с облегчением. Меня немного покоробил тот факт, что они даже на миг могли подумать о моем желании взять всю власть в свои руки и именно сейчас. Я молода, но не глупа. Риол заметил горечь в моих глазах и грустно улыбнулся в попытке ободрить меня хоть немного.

Резко повернувшись к стерхам, Риол начал отдавать четкие, уверенные указания. Требовалось найти подходящее место для упокоения слишком большого количества умерших, перераспределить народ по повозкам и как можно быстрее уносить ноги в Рассван.

Многие женщины хотели остаться на поминальную песню, но Риол приказал отправить детей и почти всех женщин дальше – задерживаться смерти подобно. Как только с повозок собрали мертвых, караван двинулся дальше в путь под надежной охраной половины мужчин. Оставшиеся начали свое скорбное дело, в том числе и я.

Место проведения обряда нашли практически сразу – большую промоину, куда мужчины начали сносить тела погибших женщин. Их было слишком много, так много, что приходилось складывать их друг на друга. У многих от скорби и боли лились слезы и тряслись руки, закаленные охотники, прожившие не один век на этой земле, падали на колени и выли от безысходности и огромной потери, от того, что мы сейчас должны, а главное, обязаны сделать. Нет отдельных могил – одна общая на всех и множество тел наших потрясающих женщин. Так не должно было случиться, но это наша сегодняшняя действительность и с ней нужно смириться, чтобы выжить. Чтобы могли жить другие стерхи, те, которые придут после нас.

Несколько женщин магией выращивали цветы и клали их между телами. Я помогала и забирала боль у тех, кто уже не мог без меня с ней справиться. Она мне еще пригодится, если я смогу удержать ее и не сойти с ума. Но это мой долг и моя обязанность!

Когда были уложены все, кто больше не сможет покинуть этот лес, и на покрывало из листьев было уложено тело моей матери, я сама накрыла его

осенними цветами, фиолетовыми с черными прожилками, ставшими символом моей скорби.

Все отошли от края, и лес огласился тоскливой поминальной песнью: Тирьяна, подняв голову к звездам, отдавала им свою боль. К ней присоединялись все новые и новые голоса. Казалось, даже птицы и звери поддерживали нас в скорби. Я стояла на краю ямы и собирала силы для обряда. Горевшее в груди пламя добралось до кончиков пальцев и, наконец, вырвалось с глухим ревом – накинулось на ушедших за грань. Как только последнее тело стало пеплом, земля сама начала погребение. И когда закрылась последняя трещина, я выплеснула всю накопленную боль. Теперь это место никто не сможет осквернить своим присутствием, слишком много боли разлито вокруг, каждый прочувствует ее на себе.

К концу ритуала мой резерв истощился, я обессиленно упала на колени с последним словом поминальной песни, резко оборванной с восходом солнца. Меня подхватил Риол и, подняв на руки, направился к лошадям, привязанным поодаль. Они нервно прядали ушами, косили глазами, фыркали. Им тоже страшно. Усадив меня на лошадь, Риол печально посмотрел и, тронув мою косу, прошептал:

– Прости маленькая, мне жаль, что на тебя свалилось слишком много. Никто не ждал беды, хотя твоя мать предупреждала совет. Я клянусь тебе, Хранительница, что впредь твои слова всегда будут услышаны и никогда не останутся без внимания.

О, Великая Богиня, мои волосы, мои золотистые волосы стали белее снежных шапок горных вершин, нависающих над Рассваном! Я потерянно взяла свою косу в руку и даже потеребила пальцами. Бездумно, рассеянно, просто пытаясь вернуть ясность мыслям, заглушить эхо поминальной песни, все еще звучавшее у меня в голове. Риол, тяжело вздохнув, единым движением взлетел в седло и сказал:

– Надо ехать, я чувствую напряжение леса, он шепчет, что убийцы наших братьев уже слишком близко.

Пустив лошадь в галоп, Риол направился в сторону гор. Надеюсь, обоз и его беременная жена благополучно добрались до заветной границы. Мы тоже

стремились под защиту гор. Каждый из нашего похоронного отряда чувствовал приближение погони. В воздухе и груди нарастало напряжение, скручивавшее внутренности в тугой узел и заставлявшее отчаянно пришпоривать лошадь. Мы не успели совсем немного – за спиной раздался дикий вой, издаваемый вампирскими глотками, их боевой клич, а затем и нестройный, но не менее азартный рев человеческой рати. Они лавиной неслись за нами, загоняя словно лакомую добычу.

Именно сейчас я поняла, что чувствует дичь, на которую я также раньше охотилась. Прильнув к лошадиной шее, я неслась в последних рядах вместе с Риолом, проверяя, чтобы все мчавшиеся впереди стерхи добрались до границы. Но оглядываясь назад, я отчетливо понимала – нам не успеть. Скоро нас нагонят, а ведь мы так близко к спасительной черте! Что будет с Райаной, если с Риолом что-то случится? А с остальными? Я не выдержу новой боли…

Я судорожно искала выход из положения. И вот одна идея, наконец, с трудом, но отыскалась в этом хаосе, что творился в моей голове и вокруг меня. Как только мысль оформилась, тревога отступила, ей на смену пришел холодный расчет. Оглянувшись назад и снова оценив расстояние до преследователей, я приняла решение. Сорвав с шеи один из самых старых артефактов, направила лошадь ближе к Риолу и на его вопросительный взгляд громко прокричала:

– Ты поклялся слушать хранительницу. Пришло время выполнить клятву. Забери артефакт, как только пересечете границу, активируй его. Любой стерх сможет пройти ее, а враги и чужие – никогда. Запомни, ждите меня через две недели. Если буду жива, приду; если не вернусь, вам придется ждать появления новой хранительницы. Две недели – и я вернусь, что бы не случилось! Думай о Райане, Риол, и о сыне.

Сунув опешившему мужчине артефакт, я резко развернула лошадь навстречу врагу. Соскочив с нее и хлопнув по крупу, чтобы отогнать от себя, оглянулась назад, обратив прощальный взор на горные вершины, скрывающие наш приют от врагов. Заметила как Риол, сделав прощальный круг, бросился догонять отряд. Выживание нашего народа – превыше всего и он об этом вспомнил, слава Великой Богине Жизни!

Я ненавидящим взглядом следила за живой, голодной до нашей крови лавиной, грозящей смять меня словно травинку. Проверив второй амулет и просканировав свой резерв, упрямо ухмыльнулась. Твердо упершись в землю ногами и

исподлобья наблюдая за приближающимися падальщиками, выпустила стихию на свободу – создала огненный заслон! Я смогу продержаться, правда, недолго, но хотя бы несколько минут выторгую моему народу, несколько ценных жизней.

За стеной огня топтались лошади, люди, шипели, обнажив клыки вампиры – наши исконные территориальные враги. Они слишком хотели наших женщин и ненавидели мужчин, чтобы оставить в покое и оказались более искусными и беспринципными воинами, чем наши мужчины, которые воспитывались охотниками и защитниками. Теперь мы исправим ошибку, если еще не поздно.

Перед моими глазами кружились черные мушки, живот прилип к позвоночнику от дикого голода, ноги дрожали от неимоверного напряжения. Силы на исходе. Еще мгновение – и стена огня, распадаясь на мелкие очаги, медленно истаяла. Но именно в этот момент я почувствовала волну энергии, прошившую меня насквозь и подарившую капельку силы, чтобы сделать заключительный бросок в задуманном деле. Граница активирована, значит все уже в безопасности, пора подумать о себе. Глядя на злобные лица людей и вампиров, окружающих меня, торжествующе ухмыльнулась и – активировала амулет перемещения, обратившись к Богине: «Спаси и сохрани меня и мой народ, Великая!» Вслед мне, исчезающей в сгущающейся тьме, донесся разочарованный вой несостоявшихся убийц…

* * *

Сознание возвращалось медленно и нехотя, упрямо цепляясь за остатки темноты и покоя. Легкий ветерок, принесший запах дыма и жилья, коснулся лица и, немного поиграв с волосами, лежащими на щеках, полетел искать новую забаву. Открыв глаза, я уставилась в голубое небо, по которому лениво и безмятежно скользили пушистые белоснежные облака. Судя по всему, ранее утро.

Тишину нарушил собачий лай, донесшийся справа. Повернув голову, я увидела высокие деревья с длинными голыми стволами и непривычными глазу разлапистыми ветвями с листочками-иголочками. Хм-м, необычно, но красиво. Между деревьями виднелось несколько приземистых домишек с печными трубами над крышами которых вьется печной дым.

Я с трудом села, вернее, попыталась, потому что как только голова оказалась над землей, все вокруг завертелось, а к горлу подступила тошнота. Пришлось, пережидать приступ, прижав голову к коленям. Заодно проверила свой внутренний резерв. Результат был неутешительный: я пуста. И хуже всего, что до меня дошло, куда я попала из перехода. Плохо, хуже некуда. Потому что меня выбросило в Голодный мир, или, как его описывали в хрониках, Опустошенный. Пустой близнец моего мира.

Как говорится все в тех же хрониках, при создании миров происходят иногда вот такие случайности, когда рождаются два мира, одному из которых достается все, а другому – ничего, ну или почти ничего. Я чувствовала, как по капельке уходят остатки моих сил, а мир препятствует их накоплению, присосавшись ко мне пиявкой. Да, тяжеловато будет продержаться здесь целых две недели до полнолуния без магической защиты. Придется использовать магию в строго ограниченном количестве и только при прямой угрозе жизни. Лишь тогда, я пообещала себе и миру, обращусь к резерву.

Поставив внутренний блок, чтобы отгородиться от голодного пространства, я сразу почувствовала облегчение, даже головокружение, вызванное переходом, прошло. Медленно поднялась на ноги и привычно прислушалась, присмотрелась, принюхалась. Живот до боли крутит от голода, поэтому первым делом надо подкрепиться. Жаль, что не могу пока принять второй облик, не хватит сил на полный оборот, да и бросать вещи на произвол судьбы тоже не хотелось бы. Придется потерпеть, пока резерв не пополнится, чтобы обернуться в одежде, надежно спрятав ее в укромный магический карман на своем теле. Выбрав основным ориентиром виднеющуюся между деревьями деревню, я направилась к ней, с трудом передвигая измученные усталостью и голодом ноги.

Последний дом на краю деревни я приметила сразу и, стараясь не светиться на открытых участках местности, пробралась к нему. Перемахнув через шаткий забор, еще раз удивленно огляделась вокруг. Никого, только собаки брешут. Наверное, почувствовали хищника в моем лице или чужака, пытаются предупредить хозяев. Но хозяева, странным образом, либо крепко спят, либо внезапно исчезли. Хотя меня бы это устроило. Лучше не причинять зла.

Еще раз тревожно оглянувшись вокруг и не заметив никого, направилась к дому, окруженному невысокими деревьями с круглыми краснобокими плодами. Заглянув в окна и не увидев хозяев, проникла в дом через незапертую дверь. Внутри оказалось тепло и чисто, множество ярких разноцветных половичков на

полу и даже на табуретах, стоящих возле длинного стола, на котором прикрытый большим серым полотенцем с вышивкой красовался свежие хлебный каравай.

Оторвала кусок хлеба и чуть ли не жмурилась от его божественного аромата и вкуса. Ум-м-м, какая прелесть! Сунулась в тяжелый горшок с тоже вкусно пахнущими… ным-ням, плодами, наверное. Напоследок решила попробовать те самые краснобокие плоды, что видела на деревьях, окружающих дом. Вряд ли несъедобные, обычно у нас с людьми вкусы и стол схожи. Вот и здесь все оказалось, не просто съедобным, а очень вкусным и сытным. Особенно плоды с деревьев, сочные, сладкие, хрустящие.

Сунув свой уже не очень голодный нос в кувшин, увидела там белую жидкостью и, осторожно пригубив, чуть не замурлыкала от удовольствия. Очень похоже на молоко, которым наши кобылы кормят жеребят, только у нас оно с голубоватым оттенком. В общем все, что я нашла поесть, вполне съедобное, хорошо пахнет и живот радует. От голода не помру.

Наевшись, я засунула в мешок остатки каравая и, грустно обведя взглядом уютную комнату, вышла во двор и направилась в дальний сарай. Спать хотелось нестерпимо, поэтому, забравшись наверх и закопавшись поглубже в сено, я спокойно заснула, поджав колени к груди, чтобы сохранить тепло.

Проснулась от пронзительного детского крика и мужских голосов, раздававшихся снизу. По свету, пробивающемуся сквозь щели сарая, поняла, что время за полдень. Осторожно выбравшись из сена, я бесшумно подобралась к краю второго яруса и заглянула вниз. От того кошмара, что творился внизу, у меня дрожь пробежалась вдоль позвоночника, заставив волосы встать дыбом. Я стиснула зубы, чтобы не зарычать.

«Уроды! Ненавижу! Убью!» – мысленно кричала я, глядя, как двое мужчин в серых одеждах и высоких черных сапогах с сальными пьяными ухмылками рвали на худенькой девочке лет двенадцати-четырнадцати одежду и швыряли ее друг другу. На руке одного из мерзавцев повис мальчик, наверное, девочкин братишка, не старше семи лет, пытавшийся остановить его и, судорожно всхлипывая, что-то кричал. Мужчина резким движением руки отбросил мальчишку от себя, от чего тот ударился головой о столб, поддерживающий верхний ярус, и тут же затих.

Девочка взвыла раненым зверем и попыталась броситься к брату, но была остановлена вторым гадом – он схватил ее за косу и, резко притянув к себе, принялся лапать за еще не сформировавшуюся грудь. Под ее вопли и тоскливый вой я незамеченной спустилась вниз и подобралась ко второму паскуднику, который, глядя на своего приятеля-распутника, мерзко гоготал. Пока не захлебнулся в тот момент, когда мой кинжал мягко вошел ему в спину, проникая в его черное сердце, прекращая такую никчемную жизнь. Меня не мучила совесть, мне не было его жалко, я часто слышала и видела последствия подобных разгульных игрищ. Слишком часто в последнее время жертвами таких вот тварей становились женщины стерхи, на красоту которых заглядывались мужчины самых разных жителей Цессы. Особенно вампиры, наши исконные соседи и враги, а отныне – убийцы моего народа.

Второй мерзвец, как и девочка, ошарашенно замерли, глядя на меня и медленно опускающуюся на землю мертвую тушу. В глазах девочки сверкнул огонек надежды, а вот ее мучитель быстро справился с первым шоком и выхватил из-за пояса небольшую, странную, загнутую металлическую штуку и направил на меня.

Я напряглась всем телом, ожидая какой-нибудь гадости. Вражина заговорил на резком, лающем языке, явно приказывая, угрожая этой штуковиной. Наверное, мое недоумение его оружием он принял за замешательство и опрометчиво шагнул ко мне. Я мгновенно ушла в сторону и, сделав резкий выпад, вонзила меч ему в грудь. В последнюю секунду увидела, как девчонка пихнула его под руку, раздался оглушительный звук, мимо меня что-то «вжикнуло» и впилось в столб, возле которого лежал мальчик. В стороны брызнули деревянные щепки, но ими никого не задело. Я проверила второго убитого – глянула в его стекленеющие удивленные глаза и плюнула ему в лицо, выразив презрение своего народа к таким как он. Женщины священны. Ни один мужчина не может безнаказанно причинять им вред или боль – вот главная заповедь стерхов.

Девочка, приглушенно всхлипывая, со страхом смотрела на меня. Я медленно подошла к ней и, положив ладонь ей на лоб, сосредоточилась, чуть-чуть приоткрывая блоки и выпуская тонкий силовой ручеек. Считать ее знания об этом мире и перенять ее язык много времени не заняло, всего несколько мгновений, но у меня снова закружилась голова и, судя по теплому ручейку под носом, я заплатила за знания кровью.

Медленно опустила руку и устало подошла к недвижимому мальчишке. Прислушалась и, почувствовав его дыхание, биение его маленького отважного сердечка, я облегченно выдохнула. Девочка приблизилась ко мне и неуверенно присела рядом, одной рукой придерживая на груди концы разорванной рубашки, другой нежно погладила по щеке мальчика. Затем оглядела трупы и горько разрыдалась, уткнувшись в спину брату.

Она вздрагивала всем телом, казалось, оплакивая весь мир, а не тот ужас, который только что пережила. Я пересела к ней поближе и гладила по спине и волосам, пытаясь успокоить, и очень удивилась, когда она вскоре крепко меня обняла и, уткнувшись в шею, зарыдала еще горше. Бедная девочка, такая малышка, а уже столько горя перенесла.

Тем временем, пока она выплескивала свою боль, я гладила ее по худенькой вздрагивающей спинке и перебирала полученые от нее знания. Обычные люди, Маша и Миша, брат и сестра. Из обрывочных сведений, которые постепенно укладывались у меня в голове, следовало, что насильники, как Маша их определила, немцы, приехали вчера под вечер, собрали в общем деревенском амбаре женщин и стариков и заперли, ожидая каких-то партизан. Что это за люди, партизаны, я не совсем поняла, но вот что эти немцы ужасные люди, я уже сама убедилась. Девочкина поверхностная память, которой я воспользовалась, являла настолько страшные события и свидетельства зверств этих самых немцев, они же фрицы, фашисты, захватчики и прочее, что я с трудом поверила.

Мать спрятала детей в погребке, прежде чем ее утащили в амбар. Мишу и Машу нашли потом и решили «поиграться» с девчонкой. Доигрались! Темный Шассе, куда же я попала на свою голову?! Ушла от одной войны, а попала на другую, да без магии словно новорожденный щенок. Куда теперь идти и где переждать до полной луны? Шассе, как я брошу этих детей одних?! Даже человеческих детенышей нельзя бросать в беде, они ни в чем не виноваты. Пока я прикидывала и так и сяк, пытаясь найти приемлемое решение, девочка успокоилась и, отстранившись от меня, хриплым от слез голосом заговорила:

– Спасибо вам, добрая тетенька, я даже не знаю, что бы они со мной сделали, если бы не вы!

Бледненькая, напуганная, она сумела взять себя в руки, и предупредила:

– Надо схоронить трупы, а то, если их тут найдут, сожгут всю деревню, я слыхала, немцы всегда так делают. – Я с трудом осваивала и понимала, о чем девочка говорила, но с каждым словом мне становилось легче. – Их начальник, лейтенант Клюгге, сволочь белесая приказал закрыть всех наших в амбаре колхозном и ждет, когда партизаны придут, а если не придут, то всех сожгут и нашу мамку…

Дикими, светящимися от ужаса глазами она смотрела на меня и про «нашу мамку» еле слышно выдохнула. У меня волосы на затылке встали дыбом и в груди родилось рычание. Маша, закрыв лицо руками, медленно раскачивалась, ссутулив худенькую спинку. Рядом зашевелился Миша, открыл глаза и, увидев сестру и меня, тоже тихо заскулил, уткнувшись ей в колени. Мне и самой хотелось выть: неужели и здесь тоже только смерть, боль и ненависть? Внезапно невдалеке раздалось странное рычание и громкий шум. Дети, словно зверьки, напряглись, прижались ко мне и прошептали:

– Немцы!

– На мотоциклах и грузовике…

Последние предположения выдала Маша, со страхом заглядывая мне в лицо. Покопавшись в ее знаниях, я нашла, что такое мотоциклы и грузовик. Такие железные машины. И с облегчением отметила, что ее память уже почти слилась с моей и я без особых проблем могу проводить некоторые сравнения и находить объяснения тому, что мне непонятно или неизвестно об этом мире, называемом Земля. Жаль, что она еще маленькая и мало знает. Я отстранила детей от себя и, встав уже на более-менее твердые ноги, быстро оглядела сарай в поисках удобного места, затем под напряженное молчание детей с трудом перетащила туда сначала одного, потом другого мужчину, завалила сеном. Присыпала испачканное кровью сено свежим, перевела дух и, выглянув во двор и не заметив пока ничего подозрительного, повернулась к ребятишкам, пристально следившим за каждым моим движением. С трудом пока выговаривая незнакомые слова, приказала:

– Быстро в дом, одеваться теплее и брать еды на всякий случай, мы уходить в лес.

– Но как же мамка наша и другие, ведь их сожгут там? – Мальчик со слезами на глазах смотрел на меня, а я не знала, что ему ответить.

– Пока не знать, но потом выяснять, Миша, пока только в лес, прятать вас. Ты мужчина, должен хранить сестру, как и до этого. Я думать, что делать дальше.

Главное для них сейчас – надежда и какое-нибудь занятие, чтобы ужас и отчаяние не захватили сознание. Ребята ринулись в дом, а уже через несколько минут мы бежали прочь от него. Забравшись поглубже в лес, но так, чтобы можно было наблюдать за дорогой, ведущей к деревне, мы несколько часов просидели в кустах. Ребятишки вначале пытались задавать мне вопросы или предлагали способы спасения деревенского люда, но я выразительно глянула на них – и оба, разом замолчав, обиженно засопели. Потом осторожно поинтересовались моим именем и ушами, разительно отличающимися от человеческих. Чего мне скрывать свое имя, поэтому назвалась. А уши здесь лучше действительно спрятать. Сняв тонкий шейный платок из синего полотна, вышитый моей матерью белыми цветами, повязала на голову и спрятала концы под косой.

Мысли вяло перепрыгивали с одного на другое. Я все никак не могла прийти к окончательному решению, что делать дальше. Тем временем мальчик потихоньку начал отщипывать кусочки хлеба от каравая, лежащего в узелке рядом с ним. Ну да, давно сидим, голодные и уже порядком продрогшие. Наскоро перекусив с детьми, я решилась оставить их здесь и пойти разведать, что творится в деревне, как вдруг услышала едва уловимый шум – кто-то крадется по лесу. Потянув носом, ощутила присутствие людей неподалеку, не менее пяти отдельных запахов. Нас окружают, я снова добыча! Стало страшно: с пятью мужчинами я могу и не справиться, но выбора нет. Приложив палец к губам, взяла обоих детей за руки и, вытащив из кустов, которые теперь для меня скорее ловушка, чем укрытие, подвела их к огромному дереву с толстым, расщепленным пополам стволом и, приткнув детей к нему, прошептала, близко приблизив к ним свое лицо:

– Будет возможность, бежать отсюда дальше, я догонять потом!

В детских глазах плескался страх вперемешку с отчаяньем и наивным упрямством. Заметив, что Маша отрицательно мотает головой, я нахмурилась и шикнула:

– Да, бежать, не спорить, беречь брата!

Девочка, прижав Мишу к себе, продолжала упрямиться:

– Я подсоблю, у меня есть пистолет того фрица, которого вы убили. Мы не побежим и не бросим вас одну помирать.

Я во все глаза смотрела на эту человечку – маленькую, но смелую и преданную. Соотнося знакомство с людьми-иномирцами и прошлые встречи с ними в своем мире, я приятно удивилась. С теплотой и облегчением подумала: «Значит, хотя бы в этом мире добро, преданность, благодарность и другие высокие и прекрасные чувства разумных не исчезли!» Стало чуть легче дышать, боль и тоска после вчерашней бойни в моем мире немного отпустила, позволив сделать глубокий, очищающий душу вдох. Улыбнулась уголками губ и согласно кивнула.

Понятие «пистолет» и другое страшное оружие этого мира мне далось очень тяжело. Я долго копалась в памяти девочки, чтобы окончательно прояснить их значение и опасность для меня. В любом случае девочка защищена этой металлической штуковиной. Шум надвинулся, хотя дети не слышали ни звука, да и я со своим звериным чутьем практически только по запаху определяла местонахождение невидимых людей. Возможно, их больше, чем пятеро, если кто-то из них с подветренной стороны от меня. Сейчас главное – выжить и на этом надо сосредоточиться. Из-за деревьев показались трое мужчин и плавной, скользящей походкой двинулись в нашу сторону. Я внимательно осмотрела ближайшие заросли и выявила еще двоих, подходивших с боков. Все или не все? Если не все, нам конец, но так хочется жить!

* * *

Внимательно наблюдая за будущими противниками, я отчетливо понимала, что не справлюсь с ними, даже если бы их было вполовину меньше. Если бы не их запах, я была бы твердо уверена, что это не люди, а подобные мне. Слишком плавные, выверенные движения, как у животных, цепкий, осторожный, изучающий взгляд, да весь их вид просто кричал, что передо мной хищники! Хищники в человеческом облике. Целых пять довольно крупных мужчин, коротко стриженых, в зеленоватой одежде и высоких грубых сапогах. Все обвешаны оружием, закрепленном на широких кожаных поясах, заткнутом за голенища, висящим на мощных плечах. Много оружия, как знакомого мне колюще-

режущего, так и похожего на металлические штуковины, одну из которых в руках держала трясущаяся от страха Маша.

Я чуяла детский страх, а вот, судя по мужчинам, они хоть и настороженны, но вполне спокойны. В глазах некоторых из них настороженность сменилась легким удивлением при взгляде на меня, но не обманывалась: эти хищники всегда наготове, чтобы сделать смертельный для их жертвы прыжок. Я медленным движением выдвинулась вперед и, носком ноги очертив на лесном опаде полукруг, отвела ее немного в сторону, вставая в боевую стойку. Меня не зря учили защищать себя и своих хранимых, я справлюсь, должна. Также медленно, под внимательными мужскими взглядами я обнажила клинок и кинжал и приготовилась к нападению. Со стороны могло показаться, что я просто стою с оружием в руках, но это было обманом, рассчитанным на неумелых обывателей. Этих пятерых мое внешнее спокойствие не обманет и не введет в заблуждение.

Стоящий напротив смуглый, черноволосый человек с яркими зелеными глазами и шрамом, пересекающим правую щеку, без резких движений приблизился ко мне на опасное расстояние. Я слегка выставила клинок, давая понять, что ближе подходить не стоит и ждала его дальнейших действий, вернее, приготовилась предупредить. Краем глаза старалась не выпустить других из поля зрения. Его хрипловатый голос наждаком прошелся по моим натянутым нервам:

– Не бойся, девочка, мы не тронем вас, опусти оружие и, как только ответите на наши вопросы, мы уйдем!

Расслабиться я себе не позволила, молча смотрела на него и – ситуация изменилась благодаря Мише, выпалившему:

– Дяденьки, вы партизаны, да?

Чернявый скосил взгляд на мальчика, не выпуская меня из виду. Весело хмыкнув, чуть помедлил, подбирая слова, и ответил:

– Так и есть, малец, мы отбились от своих и теперь ищем местных партизан, чтобы к ним присоединиться.

Мишка немного помолчал и доверчиво, с надеждой, со слезами в голосе продолжил:

– В деревне немцы, дяденька, они тоже ищут партизан. А если до ночи не сыщут, сказали, сожгут всех, кого в амбаре закрыли. Тама все наши, деревенские. И мамка наша тоже тама. И ее тоже сожгут, если партизаны не придут.

Про мамку он говорил сквозь рвущие душу рыдания. Я сразу отметила, что мальчик не оставил равнодушным ни одного из мужчин. Все нахмурились и до хруста сжали кулаки, но при этом все также, без лишних движений и пристально глядя на меня. Я про себя ухмыльнулась: меня эти хищники как-никак, а опасаются и принимают за достойного противника. Надеюсь! Хотя внешнее проявление сочувствия детскому горю меня впечатлило, я решилась снова воспользоваться силой, потому что должна быть твердо уверена в этих людях и их намерениях.

Пока я раздумывала, Миша успел поведать заинтересованным слушателям о наших злоключениях и под грозный шепот сестры, тщетно пытавшейся запретить братцу болтать, рассказал им о том, что я убила не состоявшихся насильников сестры. Я похолодела от их изучающего и немного изумленного взгляда, которым они дружно осматривали мою фигуру, белоснежно-седую косу, руки с грозным оружием. Наверняка они видели не охотника и хранительницу стерхов, а всего лишь молоденькую девушку, причем, по меркам людей, я была невероятно красивой.

Время утекало сквозь пальцы, и я решилась: приоткрыла магический заслон и, заткнув клинок за пояс, растопырила пальцы и направила в сторону «дяденек», чтобы направленным действием заклинания захватить их. У меня получилось, слава Великой Богине, впервые получилось заклинание подчинения! Но и отдача от пятерых сильных противников была слишком ощутимой. У меня кровь хлынула носом, стекала на одежду, слабость разом накрыла и я, не удержавшись на ногах, упала на колени. Чернявый сделал движение в мою сторону, но я, резко вскинув голову, приказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тар – уважаемый, занимающий высокое положение. Прим. авт.

Купить: https://tellnovel.com/ru/olga-guseynova/zaberi-mechtu-s-soboy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить